

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

**Загадочное происшествие в
сумасшедшем доме**
(Рассказы кстати #6)

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0011
Глава третья	0013
Глава четвертая	0016
Глава пятая	0020
Глава шестая	0025
Глава седьмая	0027

Николай Лесков

**Загадочное происшествие в
сумасшедшем доме**

(Извлечено из бумаг Е. В.

Пеликана)

(1858–1878)

Глава первая

В нынешнее время часто доводится слышать сильное негодование, если какое-нибудь из ряда выходящее происшествие останется без скорого и удовлетворительного разъяснения его причин. Это сейчас же ставится в вину порядкам нового судопроизводства и еще чаще в вину тем людям, которые нынче производят следствия, и тем, которые совершают суд по законам императора Александра II. Думают, – и таких людей не мало, – что ранее, т. е. до введения новых судов, дела будто бы шли лучше, т. е. скорее, строже и справедливее. Такое мнение не только существует в темном простонародье, но оно даже без стеснения высказывается и в известных органах периодической печати, руководимых образованными людьми. Последнее, в свою очередь, раздражает и сердит людей, сохранивших верное воспоминание о прежнем следственном и судебном процессе. Это раздражение понятно, но гнев все-таки неуместен. Напротив, кажется, надо радоваться, что если уже есть в обществе такое странное мнение, то

пусть оно не таится, а находит себе свободное выражение в печати. Печать лучше, чем что-либо иное может послужить сверке и оценке всяких мнений – как ошибочных, так и обстоятельных.

Одним из лучших способов для этого служат сравнения, которых много можно привести из так называемых «памятей» о делах «доброе старого времени».

Разумею не то настоящее «старое время», каким почитается в нашей истории до-Петровский период, а собственно время, предшествовавшее введению судебной реформы, которое нынче часто тоже называют «старым».

Любопытные сборники Любавского не богаты материалом для истории о делах угасших. Очень может быть – там нет никаких дел, потому что во время составления сборников Любавского никому из наших русских современников еще не приходило на мысль искать идеала правосудия в старинном судебном порядке, не предвиделось и того, что скоро может представиться надобность доказывать несостоятельность следственного процесса в дореформенное время. Иначе, вероят-

но, в уголовных сборниках нашли бы место образцы, которые способны каждого удивить и поразить своею оригинальностью и маловероятностью. Таких дел особенно много по группе убийства помещиков крепостными людьми и обратно, и не менее их еще, например, по истреблению казенных лесов. В ранней моей молодости я помню, как в Орле, кажется, около четырнадцати лет, производилось дело о вырубке казенного леса в Карачевском или в Трубчевском уезде. В этом преступлении и грабеже казны на огромную тогдашнему, сумму подозревался и изобличался местный лесничий по фамилии Красовский, – человек уже очень старый, набожный и постник, джентльмен, с совершенно белой головою, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили из острога с двумя часовыми мимо так называемого губернаторского сада, где я играл во дни моего детства.

Красовский ходил с часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомым и почему-то *благословлял детей!*.. Он жил в орлов-

ском остроге более десяти лет, и жил настоящим тюремным аборигеном или даже патриархом. Когда в Орле была впервые прочтена «Крошка Дорит», то многие говорили, что старый отец маленькой Дорит, живущий в тюрьме и там лицемерствующий, точно будто списан Диккенсом с орловского острожного патриарха – Красовского.

Красовский, так же как и герой Диккенса, получил вес и значение в тюрьме; он славился своим благочестием и скупостью; имел нравственное влияние на заключенных и на охранителей, и довел двух прислуживавших ему арестантов из простонародья до того, что они сделали покушение задушить его за скупость, и за то наказаны плетьюми и сосланы в каторгу.

Так из-за Красовского, во время его долголетней жизни в орловском остроге, возникали новые дела, а его собственное дело об истреблении вверенных ему казенных лесов все тянулось. На нем, так сказать, воспитывались целые поколения палатских юристов (выписку из него при представлении в сенат делал сын следователя, начавшего следствие),

и за всем тем хищническое дело это так и осталось нераскрытым. Кто срубил тысячи десятин казенного леса и куда ушли деньги, за них вырученные, – это так и не обнаружено. Красовский притворялся бедным, или в самом деле ничего не имел, – это так и не открыто. Только он никому никаких взяток не платил и в остроге промышлял ростовщицеством, давая под залоги от двугривенного до рубля из десяти процентов в неделю. За это его и хотели задушить. Наконец, после двенадцатилетнего содержания в тюрьме, Красовского выпустили, но он еще не хотел идти из тюрьмы, говорил, что ему негде жить и нечем жить. Так он «прижился в тюрьме» и так мало значила в его глазах драгоценная каждому живущему свобода.

В Орле, назад тому сорок лет, все от мала до велика были поражены, что столь всем очевидное преступление Красовского не раскрылось. Но это так и кончено.

Однако, не станем удивляться и на это: убийство господ и крестьян, равно как и истребление лесов происходили на широких пространствах, где не было особых наблюде-

ний и не было так называемой локализации преступления. А встречались случаи гораздо более удивительные, когда дело совершалось, например, в доме, окруженном самым тщательным присмотром, где все было, так сказать, «как в горсти», а между тем уходило из горсти, и не могли добраться до виноватого.

Одно из таких дел, интересных не только в судебном, но и в научном отношении, представляет некоторый воронежский случай, заметки о котором попались мне в бумагах покойного председателя медицинского совета, Евгения Венцеславовича Пеликана.

Вот это дело.

Глава вторая

В шесть часов утра мглистого, морозного дня, 27 января 1853 года, на женской половине сумасшедшего дома в Воронеже прозвонил звонок, «возвещавший время топки печей». Таков был ежедневный порядок в заведении во все то время, когда здание отапливалось печами.

Звонок этот разбудил в числе прочих служительниц одну, по имени Кирсанову, которая ночевала при умалишенных в коридоре между комнатами №№ 6 и 10.

Кирсанова встала и удивилась, что ее сегодня первый раз не разбудила раньше звонка одна из помешанных – молодая, крепкая женщина, по имени Елена Швидчикова (по фамилии судя, вероятно малороссиянка).

Названная больная имела пироманические наклонности и очень любила топить печи. Так как это было совершенно безвредно и притом облегчало труд служительницы, то Швидчиковой было дозволено топить печи, и она, дорожа таким удовольствием, имела привычку вставать очень рано. До звонка она

будила Кирсанову и помогала ей при топке, но... сегодня вдруг Швидчикова первый раз проспала.

Служанка подивилась, однако не стала беспокоить Елену, а сама затопила все печи, но потом подумала:

«Что же это, однако, значит, что Елена не встает о сю пору?»

Служанке пришло на мысль, не случился ли какой грех, – и не напрасно.

Когда Кирсанова вошла в комнату, где, в числе трех больных, спала Швидчикова, она не заметила здесь ни малейшего беспорядка. Все было тихо, и все помещавшиеся здесь три женщины в самом спокойном положении лежали, закрывшись одеялами, на своих койках.

Служанка подошла прямо к своей добровольной помощнице, Елене Швидчиковой, и сначала позвала ее по имени. Елена не откликнулась. Тогда Кирсанова хотела ее побудить рукою, но едва лишь дотронулась до нее, как упала от страха на пол и потеряла сознание.

Елена Швидчикова была мертва.

Глава третья

Придя в себя, перепуганная служанка вскочила на ноги и бросилась к другой соседней койке, на которой спала умопомешанная Фиона Курдюкова (28 лет), но, к ужасу служанки, Фиона тоже была мертва... Служанка с страшным воплем кинулась к третьей больной, молодой девушке (18 лет), по имени Прасковье Снегиревой, и закричала ей во весь голос:

– Паша! Пашенька! – встань, помоги!

Но Пашенька тоже не вставала и не трогалась, а когда Кирсанова, вся дрожа как лист, коснулась рукою до тела этой девушки, то поняла, что и здесь все зовы на помощь напрасны, потому что и молоденькая Паша тоже мертва...

Неожиданно, разом три покойницы, на трех сряду стоящих койках, при сером сумраке январского утра и ходячих тенях от дрожащего пламени только что растопленных печей, – это, как хотите, картина, способная произвести сильное и беспокойное впечатление даже и на больничную сиделку.

Кирсанова бросила мертвых и, не помня себя от перепуга, кинулась бежать к надзирательнице, г-же Азаровой.

Азарова встревожилась, – прибежала еще с другими служительницами заведения и удостоверилась, что все три помешанные, спавшие в комнате № 10, действительно недвижны, бездыханны и холодны. Азарова и другие бывшие с нею прислужницы, в тревоге, бросились, посмотреть – все ли благополучно в прочих покоях, и нашли не везде все в полном благополучии. А именно, когда они вошли в небольшую комнату № 6, отделявшуюся от № 10 лестницею, то здесь опять обрели роковую тишину и еще двух новых покойниц: Прасковью Воронину и Ирину Деревенскую.

Эти женщины спали вдвоем в комнате № 6, каждая на своей койке, и так обе и найдены мертвыми на своих же койках, без малейших знаков насилия, в спальных чепцах и одетые байковыми одеялами.

Послали за фельдшером Варламом Ивановичем, чтобы он шел как можно скорее – подать какую-нибудь помощь, или – как нынче

красиво говорят—«констатировать смерть». Фельдшер пришел, посмотрел и объявил, что никакая помощь уже невозможна, — что все пять женщин несомненно умерли.

Пять скоропостижно умерших вдруг, от неизвестной причины и в строго охраняемом месте... Что за происшествие!

Первое, разумеется, что могло прийти в голову при подобном случае, — это *угар*, но об угаре не могло быть и речи, потому что, во-первых, печи в заведении топились с утра, а все пять умерших легли спать вечером здоровыми, да во-вторых же, — другие больные, соседки по комнатам тех, которые умерли, были живы и здоровы, меж тем как их комнаты согревались теми самыми печами и вообще находились вполне в одинаковых атмосферных условиях.

Глава четвертая

Надзирательница и фельдшер тотчас же дали знать о страшном и загадочном происшествии смотрителю заведения, майору Колиньи; тот удостоверился самоличным видением, что пять женщин умерли, и сейчас же донес об этом губернатору.

Губернатор не медлил распоряжениями, и в 11 1/2 часов того же 27 января 1853 года в сумасшедший дом прибыли инспектор врачебной палаты Шарков, старший доктор Погорский и полицмейстер города Воронежа г. Федоров. Они сделали осмотр и написали акт, из которого берем следующие подлинные места:

Первая осмотрена Курдюкова. Ей 28 лет, телосложения крепкого, найдена на постели в рубашке, в чулках и в чепце на голове. Она покрыта байковым одеялом, лежала на спине в прямом положении, с головою, несколько наклоненною на правую сторону, и с руками, расположенными по бокам тела (как велят спать благовоспитанным девушкам в пансионах). Руки в суставах от оцепенения найдены малоподвижными; лицо несколько вздуто,

правая щека покрыта красноватыми пятнами, а левая натурального трупного цвета; живот вздут и мягок при осязании; бедра и икры, преимущественно на задней поверхности, а равно спина, поясница и зашеек оказались при осмотре темно-красного цвета; глаза закрыты, зрачки расширены; на голове над левою теменною костью найден струп красноватого цвета; другого рода повреждений на теле Курдюковой не было.

Вторая скоропостижно умершая сумасшедшая была Снегирева, девушка лет около 18-ти, телосложения крепкого. Она тоже найдена одетою – в рубашке, в чулках и в чепце, покрыта шерстяным байковым одеялом, лежала в постели на спине в прямом почти положении; правая рука протянута близ боку и в локте немного согнута, с приподнятою к лицу кистью. Пальцы рук полусжаты, конечности в суставах от оцепенения малоподвижны, вся спина от шеи и задняя поверхность бедер и обеих голеней найдены красного цвета; на лице темного же цвета пятна замечены, прочие части тела натурального трупного цвета; живот раздут, напряжен и твердоват. Левый

рукав рубашки найден замаранным в жидкости красноватого цвета (сукровицею, истекавшею из рта).

Третья – Елена Швидчикова (та самая, которая любила топить печи), около 30 лет, телосложения крепкого, одета в рубашке, в чулках, в чепце и покрыта байковым шерстяным одеялом. Она лежала в постели на спине в прямом положении, с наклоненною несколько головою на левую сторону, обе руки сложены вместе, на животе, с протянутыми пальцами. Конечности в суставе от оцепенения малоподвижны, вся спина, поясница и задняя поверхность бедер испещрена была красноватыми пятнами, лицо и прочие части тела трупного цвета; другого рода изменений на теле не оказалось; живот несколько раздут и твердоват, рот закрыт, зубы стиснуты, у левого глаза верхнего века недостает, отчего глазное яблоко открыто, истощенного вида от предшествовавшего болезненного состояния этого органа.

В таком положении найдены три скоропостижно умершие жилицы сумасшедшей камеры № 10-й.

У всех обнаружена краснота, пятна, взду-
тости, но все лежат на своих постелях в чеп-
цах и ни одна не сбросила с себя ни этого чеп-
ца, ни одеяла, точно смерть ни одной из них
не стоила ни малейшей муки. Пришло каж-
дой «отложенное ее» – и они пошли за анге-
лом смерти целой компанией «в путь всея
земли».

История все становится удивительнее и
непонятнее.

Теперь перейдем в маленький покой под
№ 6-м, – где спали только две женщины, воз-
растом постарше, и тоже обе умерли в това-
рищеской компании.

Глава пятая

Начинается опять то же самое.

Первая – Прасковья Воронина, крепкого сложения, 45 лет, найдена лежащею на постели в рубашке, в чулках и в неизбежном чепце. Она так же, как и жилицы № 10-го, покрыта байковым одеялом, лицом обернулась к стене и держала левую руку на животе, а правую на кровати протянутою к бедру; пальцы мало сжаты, живот твердоват. Спина, поясница и задняя поверхность бедер темно-красного цвета, лицо и прочие части тела обыкновенного трупного цвета. Другого рода изменений на теле никаких не найдено.

Ирина Деревенская, от роду лет около 50, телосложения посредственного, в рубашке, в чулках и в чепце; покрыта байковым шерстяным одеялом; конечности, как верхние, так и нижние, найдены в суставах оцепеневшими, живот вздутый и твердоват; поясница, спина и зашеек красного цвета, лицо и прочие части тела натурального трупного цвета.

Опять и здесь краснота и сукровица, – которые, конечно, совсем уже упраздняют вся-

кую необходимость рассуждать об угаре, да и самый акт, о котором мы говорим, на угаре не настаивает. Очевидно, воронежские чиновники с самого начала не сомневались, что причиной смерти пяти сумасшедших был не угар, а что-то иное... Но что же именно?

Любопытные вещи требуют часто большого терпения.

Последуем пока за осматривающими здание и посмотрим, какие сведения они соберут от служебного персонала.

При осмотре здания всего женского отделения умалишенных, оказалось: комнаты, в которых найдены мертвые, – сухи, и воздух в них чист. В каждой из тех комнат, равно и во всех других сего отделения, *топка печей устроена из коридора; отдушников в комнаты нет* по всему зданию. Комната № 10-й отделена от прочих; в ней одна голландская печь из простых изразцов и без отдушников в комнату. Топка этой печи устроена из коридора. Комната № 6-й (где найдено два мертвеца) отделена от предыдущей комнаты № 10-й (где три мертвеца) лестницею, которая ведет в нижний этаж; рядом же, только с другой сто-

роны этой комнаты, находится другая соседняя комната, обозначенная под № 7. Это, надо думать, был покой для больных особенно буйных, потому что здесь стены до двух третей вышины обиты войлоком, а поверх войлока крашенным холстом. Такие обивки в домах умалишенных делают только в таких покоех, где помещают людей, обнаруживающих большое раздражение, с мрачною склонностью вредить своему здоровью или самой жизни.

Комната эта нагревается одною и тою же голландскою печью, которая обогревает № 6-й, и эта печь точно такого же устройства, как и печь в комнате под № 10-м, т. е. они голландки и без отдушников.

В комнатах под №№ 10-м и 6-м, где найдены умершие, а равно на постелях и других покрывалах нет ни следов рвоты, ни других извержений. Стены комнат, а равно и самого коридора, выбелены мелом и не представляют никаких признаков, по которым можно бы заподозрить, что их скоблили или лизали языком.

Следовательно, отравление этим способом

тоже невозможно.

На кроватях, где лежали умершие, и вообще в комнатах, не найдено никаких посторонних вещей, кроме того, что принадлежало к устройству и инвентарю этих помещений. Белье на постелях и на умерших чистое. Солома в тюфяках, по объявлению надзирательницы Веры Азаровой, по всему отделению женского дома умалишенных переменена назад тому всего только семь дней и притом опять-таки солому не отбирали на отбор для тех пяти, которые умерли, а набивали ею все тюфяки из одной общей массы, а между тем умерли не все из находящихся в заведении, а только пятеро.

Что касается до порядков в доме, то смотритель майор Колиньи объявил, что печи, как в этом, так и в прочих зданиях, 26-го января были истоплены в пять часов утра и во второй раз в эти сутки топлены не были. В этом здании и по всему этому женскому отделению дома умалишенных нет ни кухонь, ни прачечной, ни других каких-либо служебных построек, откуда бы могли заходить дым, чад или какие-нибудь зловонные и миазматиче-

ские испарения.

Досмотр за больными был такой рачительный, что, по-видимому, желать лучшего невозможно.

Для примера достаточно проследить один день 26-го января, предшествовавший роковой ночи, когда пять сумасшедших неизвестно от чего умерли целой компанией.

В 26-е число января это отделение посещали, в 10 часов утра, старший доктор Погорский и младший ординатор Предтеченский, а пред их визитацией, в 8 часов утра, все здание осматривали эконоом Алексеев и помощник смотрителя Никитин.

Словом, досмотр со стороны начальства был во весь день до вечера и никаких упущений не указано.

Теперь начинается ближайшее время к роковой ночи, – вечер 26-го января.

Глава шестая

Вечером 26-го января, в 10 часов, вторично обходил это отделение эконоом Алексеев.

Вечер в таких домах кончается рано, в 8 часов здесь уже спят. А после того как больные легли спать, в 11 часов ночи, покои их обходил дежурный надзиратель по заведению, унтер-офицер Коноплев. Оба эти должностные лица, обойдя покои, явились к смотрителю майору Колиньи и доложили ему о совершенном благополучии того самого отделения, где к утру оказался такой неожиданный и такой несчастный случай.

Что же касается пяти скоропостижно умерших женщин, то они проводили день 26-го января вместе с прочими, находящимися в том же отделении, умопомешанными в числе 24; все они обедали за одним общим столом и употребляли одну, для всех без различия, приготовленную пищу.

Обед больных состоял из щей, сваренных с говядиною и с кислую капустою, из ржаного хлеба и кваса для питья. Пищу всем помешанным подавали в деревянных крашеных чаш-

ках, а ели они все деревянными ложками, с которых краска от давнего употребления сошла.

После обеда до вечера все были здоровы, и ни одна ни на что не жаловалась.

Вечером в шесть часов, больным подавался ужин, который был вполне повторением обеда, т. е. всем им за одним общим столом, в шесть часов, была подана та же самая пища, что и за обедом.

Кушанье для больных приготавливалось всегда в одной кухне и в одних котлах. Эти чугунные котлы были осмотрены и оказались в самом чистом виде. Следовательно, подозревать, что пять скоропостижно умерших отравились пищею, предложенною им заведением, тоже невозможно.

Оставалось обратить внимание, как эти несчастные проводили свой последний день и ночь каждая в отдельности. Но и это ничего особенного не представляло.

Глава седьмая

После ужина всех призреваемых в выше-
Позначенном отделении, в 7 часов, положи-
ли спать. Каждая легла на своей койке. Точно
так же легли спать и те пять женщин, кото-
рые ночью скоропостижно умерли. Они легли
на тех самых постелях и в тех самых комна-
тах, в которых утром служанка Кирсанова на-
шла их мертвыми.

Двери в этих двух комнатах, точно так же,
как и во всех прочих, были во всю ночь рас-
творены настежь в коридор, где ночевала
Кирсанова. Рядом с комнатой № 6-й, где най-
дено двое умерших, в комнате под № 7-м, на-
греваемой тою же самою печью, которая обо-
гревала № 6-й, ночевала умалишенная Авдо-
тья Рубцова; а тотчас же за этой комнатой – в
№ 8-м, ночевали еще две другие умалишен-
ные, Надежда Вихирева и Матрена Скобина, и
все они остались живы и здоровы. Накануне
загадочного события, т. е. 26 января, и при на-
ступлении ночи, как умершие, так и прочие
умалишенные, оставшиеся в живых, не жало-
вались ни на какие болезненные припадки.

После урочного времени (7 часов вечера), когда всех умалишенных уложили спать, с ними осталась ночевать дежурная служанка Федосья Кирсанова. Из лиц правоспособных она одна оставалась ближайшею свидетельницей, что здесь происходило в последующие ночные часы до утра, и с нее тотчас же сняли показание, записанное в акт.

Кирсанова объявила, что до трех часов все призреваемые спали спокойно без особых движений и не обнаруживали никакого беспокойства. В три же часа ночи одна из скоропостижно умерших – именно Елена Швидчикова, которая любила топить печи, – проснулась, разбудила двух других спавших с нею в одной комнате под № 10-м (Снегиреву и Курдюкову), а потом пошла в комнату № 6-й и там разбудила двух тамошних жилиц – Воронину и Деревенскую. Собрав эту компанию, Швидчикова попросила служанку Кирсанову провести их в ретирадное место. Служанка будто исполнила это беспрекословно, и все пять помешанных пошли с нею, куда им было нужно. Оттуда Кирсанова провела их обратно в их же комнаты, и при этом Кирсанова

заметила, что Швидчикову немного вырвало на пол. Больная спокойно попросила Кирсанову вытереть, и Кирсанова это исполнила.

После этого выхода и возвращения все пять скоропостижно умерших женщин, не тратя времени, тотчас же снова легли по своим койкам и уснули спокойно.

Ни одна из них не жаловалась ни на какую боль, да если бы у них что-нибудь болело, то они бы и не уснули.

Отчего же стошнило Швидчикову и не было ли у нее чего-нибудь такого вредоносного, чем бы она могла известить себя и своих соседей в то короткое время, которое им нужно было на то, чтобы выйти в ретираду и снова возвратиться на свои койки?

Следователи не упустили из вида и этого, но опять ничего не вышло.

Надзирательница Азарова и служанки Кирсанова и Пелагея Логинова объявили, что посторонних посетителей в заведении перед этим не было, кроме 25-го числа января; 25-го же утром, до обеда, больных посещали какие-то три неизвестные барыни и роздали всем по одному французскому хлебу. Хлебы

эти были всеми больными съедены до обеда того же 25-го января, и с той поры больные не употребляли никакой другой еды, кроме вышеописанной больничной пищи, состоявшей из съедобных предметов довольно грубых, но здоровых и во всяком разе безвредных.

Засим старший доктор, коллежский советник Погорский, удостоверил, что вышепоименованные скоропостижно умершие женщины 26-го января и до этого дня были здоровы (исключая умственного расстройства в разной степени) и никаких лекарств ни одна из них не принимала.

Стало быть, даже и с этой стороны ничего сокращающего жизнь им подано не было, и смерть их последовала по крайней мере «без медицинской помощи».

Но, однако, отчего же они умерли?

Вот в том-то и тайна.

Да это и в течение целых двадцати пяти лет оставалось тайною даже для такого лица, как председатель медицинского совета, которому в интересах науки нельзя было не заботиться, чтобы уяснить рассказанный случай. И председатель медицинского совета описан-

ным происшествием в воронежском сумасшедшем доме интересовался, – только втуне.

Акт, сохранившийся в бумагах покойного Пеликана, кончается на том, что мы могли из него выбрать и сообщить; но на нем есть еще чрезвычайно любопытная пометка, сделанная собственно рукою Евгения Венцеславовича 8-го декабря 1878 года. Из этой надписи видно, что покойному председателю медицинского совета описанное загадочное событие пяти смертей оставалось необъяснимым до 1878 года, т. е. в течение ровно двадцати пяти лет.

В 1878 году покойный Пеликан распорядился искать по этому делу справок в архивах министерства внутренних дел, но, несмотря на то, что Пеликан держал свои бумаги в отличном порядке и обо всем касающемся данного предмета делал обстоятельные отметки собственно рукою, – загадочный случай пяти смертей в воронежском сумасшедшем доме и после 1878 года оставлен им без объяснения, – при одном лишь желании знать: чем такая загадка разъяснена быть может.

К сказанному, может статья, нелишним

будет прибавить, что все пять в одно время скоропостижно умерших были женщины бедные и из низшего класса, так что, кажется, трудно даже придумать, кому было выгодно озабочивать себя приспешением всем им коллективной кончины.

Разве, может статья, теперь кто-нибудь из воронежских старожил в состоянии пролить свет на любопытный вопрос: отчего в их городе скоропостижно и вдруг умерли, в 1853 году, пять сумасшедших?

Для медицинской науки это еще и теперь, несмотря на тридцатилетнюю давность, будет интересно.

На читателей этот маленький рассказ из недавнего русского прошлого, может быть, произведет неприятное чувство; он как бы незакончен, – в нем нет удовлетворения любопытству: чем же дело разъяснилось?

Пишущий настоящие строки вполне сознает законность такого неудовольствия, и сам его испытывал, когда прочел сейчас рассказанное дело. Но просвещенный читатель пусть не посетует за эту неудовлетворенность. Пусть он обратит свою мысль в другую

сторону, – пусть он вспомнит тех из наших соотечественников, которые, по замечанию Н. И. Пирогова, «препобедили в себе даже потребность воспоминаний о прошлом».

Настоящий рассказ годится для того, чтобы оценить весь труд их «препобежденной» памяти, и в этом отношении он не оставит досадительной неудовлетворенности.

Припомнить себе такую неудовлетворенность есть своего рода большое удовлетворение.